

Ли Цзинцзин продолжала переворачивать страницы. Фотографии занимали три листа, и на каждой — студенты с плотно сомкнутыми веками и застывшими улыбками.

На третьей странице Вэнь Цин увидел самого себя. На снимке он был в той же одежде, в которой впервые оказался в этом подземелье. Юноша нахмурился, бегло просматривая остальные портреты. Все были одеты по-разному: не в школьную форму, а в свои вещи.

«Своя одежда... — Вэнь Цин задумался. — Значит, снимки сделаны в день поступления»

Он еще раз внимательно изучил своё фото, а затем переключился на портреты других игроков. Ли Цзинцзин, Бай Тун... Даже Оз на снимке кротно улыбался.

— Мы ведь не выглядели так вчера? — не удержался от вопроса юноша.

Мужчина помрачнел и кивнул.

— Эти снимки не были сняты на камеру в привычном смысле слова.

По коже Вэнь Цина пробежал мороз. Он наугад вытянул другой ежегодник — первокурсники прошлых лет скалились в такой же тошнотворно-слащавой манере. Юноша молча задвинул книгу на место.

Ли Цзинцзин, некоторое время разглядывавшая собственное изображение, тоже почувствовала приступ брезгливости и сунула том Бай Туну:

— Держи, с меня хватит.

Тот быстро просмотрел три страницы с фотографиями.

— Вместе с нами здесь ровно семьдесят четыре студента.

Вэнь Цин мгновенно уловил суть: пятерых исчезнувших студентов в ежегоднике не было. Ли Цзинцзин, не слышавшая их утреннего разговора, тут же засыпала соратников вопросами:

— О чём вы? Что это значит?

Бай Тун вкратце пересказал ей выводы о численности студентов.

— Давай посмотрим, что в конце книги, — предложила девушка.

Мужчина перевернул страницы, и Вэнь Цин склонился ближе. Финал ежегодника был посвящен «значимым событиям», произошедшим в академии за текущий год. Увидев описание первого же мероприятия, юноша замер в оцепенении.

«Турнир на выносливость?»

Страница была усеяна фотографиями высокого качества. Снятые издалека, они могли бы показаться даже эстетичными, если бы не их содержание. Вэнь Цин вспыхнул до корней волос и поспешно отвел взгляд.

Бай Тун негромко откашлялся. Подняв глаза, он заметил пунцовое ушко юноши и крохотную алую родинку на мочке, которая ярко выделялась на бледной коже. В груди мужчины шевельнулось странное, необъяснимое волнение.

Ли Цзинцзин, единственная из троицы, разглядывала снимки с явным интересом. Просматривая кадр за кадром, она весело комментировала:

— А у этого парня отличное тело. Ого, а тут — грудь колесом, талия осиная... Просто блеск!

Удовлетворив любопытство, она поторопила Бай Туна перевернуть страницу. Далее следовали описания других «активностей», одно другого краше.

«Групповые спортивные игры», «Дуэль великих едоков», «Конкурс стриптиза»...

Вэнь Цин смотрел на это с нескрываемым потрясением. Эпитет «Бог Разврата» теперь казался ему слишком слабым для Юй Сина. Тот явно заслуживал чего-то более монументального.

На последней странице наконец обнаружилось нечто отдаленно напоминающее приличие.

Подготовка к празднованию дня рождения бога — Пост и очищение сердца.

На прикрепленных снимках были запечатлены сцены обеда в столовой и занятий в классах. Каждый человек на фото лучился безмятежным счастьем, создавая иллюзию полной гармонии. Юноша нашел на одном из кадров себя. Он был абсолютно уверен: на уроках он не улыбался. Никогда.

«Эти фото — ложь»

Вэнь Цин недоуменно нахмурился.

— Зачем им столько фальшивых снимков?

Бай Тун смотрел на пустые страницы в конце тома.

— Потому что кто-то должен это видеть, — сухо ответил он.

И дело было не только в игроках. Эти книги предназначались для самих студентов. Ежегодники намеренно выставляли в библиотеке, чтобы поддерживать фасад благополучия и скрывать гниль, разъедающую академию изнутри.

Мужчина закрыл книгу.

— О тех пятерых здесь ни слова. Нужно посмотреть архивы за прошлые годы.

Вэнь Цин послушно достал ежегодник за 2020 год. Пропустив жуткую галерею «улыбающихся мертвецов» в начале, он наткнулся на первую запись:

***

1 октября 2020 года, ясно

[Студент Чжао Мин нарушил первое правило академии: «Молиться Богу ежедневно»]

Пролистав дальше, юноша нашел еще несколько подобных записей. Указывалось время нарушения и конкретный пункт правил, но ни слова о том, что последовало за этим. Цзян Цзин тоже говорила, что не знает о последствиях... Однако в прошлом году нарушения были.

Вэнь Цин моргнул. Неужели нынешние студенты вообще не пересекаются с выпускниками прошлых лет? Именно поэтому информация не выходит за пределы одного цикла?

Они провели в библиотеке весь остаток дня, но так и не выяснили, когда именно появились правила и как проходят празднования Дня рождения Бога. Каждый ежегодник обрывался на первом дне поста и очищения сердца, запечатлевая студентов в их вечной, фальшивой радости.

***

Ужин прошел под надзором учителей. Вэнь Цин ел медленно, украдкой разглядывая толпу студентов. Он внимательно изучил каждое лицо, но Цзи Цзюньфэна нигде не было. За весь день тот так и не появился в столовой.

Юноша задумчиво прикусил палочку для еды. Бай Тун, по привычке переключавший часть

своей порции в его тарелку, заметил это:

— О чем задумался?

— О Цзи Цзюньфэне, — честно ответил Вэнь Цин. — Вдруг его снова где-нибудь бьют?

Ли Цзинцзин, услышав незнакомое имя, из любопытства подалась вперед:

— Цзи Цзюньфэн? Кто это? Звучит знакомо.

Она не потрудилась понизить голос, и несколько студентов, сидевших неподалеку, мгновенно изменились в лице. Они поспешно отодвинулись подальше от компании игроков и застучали палочками по тарелкам, стараясь доесть как можно скорее.

Ли Цзинцзин прищурилась:

— Это тот самый человек из твоей подсказки?

Вэнь Цин кивнул и прошептал:

— Похоже, он знает правду, но другие студенты даже слышать о нём не хотят.

Девушка, недолго думая, отложила палочки и схватила за локоть проходившего мимо студента с пустым подносом:

— Эй, парень, ты знаешь Цзи Цзюньфэна?

Лицо того исказилось так, будто ему в рот запихнули живое насекомое.

— Не знаю! — с отвращением выпалил он, вырвал руку и почти бегом бросился к выходу.

Ли Цзинцзин хотела попытать удачу с кем-то еще, но имя «Цзи Цзюньфэн» разлетелось по столовой подобно вирусу. Ученики, едва заслышав его, огибали игроков по широкой дуге. Вскоре зал опустел.

Переглянувшись, союзники покинули столовую. Вернувшись в общежитие и поднявшись на третий этаж, Вэнь Цин снова слышал знакомый кокетливый смех.

Цзян Цзин стояла у дверей своей комнаты, небрежно привалившись к косяку. Её левая рука бесцеремонно скользила под рубашку какого-то парня.

— Ого, а мышцы-то растут. Зайду к тебе, как только закончится пост, — проворковала она.

Заметив юношу, она весело помахала ему рукой. Вэнь Цин помедлил секунду и решительно подошел к ней. Девушка окинула его лукавым взглядом:

— Что, всё-таки передумал? Но учти, сейчас время воздержания, а я не горю желанием отправиться в карцер.

— Нет, я не об этом, — Вэнь Цин покачал головой. — Я хотел спросить... ты знаешь что-нибудь о Цзи Цзюньфэне?

Улыбка мгновенно сползла с лица Цзян Цзин. Она нахмурилась и недовольно проворчала:

— Да что с вами, переведенными, не так?

Бай Тун подошел ближе, заставив её напрячься.

— Кто-то еще спрашивал о нём? — прямо спросил он.

— Не у меня, у других, — нехотя ответила Цзян Цзин. — Я случайно подслушала. Тоже новенький, блондин с зелеными глазами.

Вэнь Цин замер. Оз?

— Оз уже в курсе? — уточнил Бай Тун.

— Еще бы.

Цзян Цзин попыталась скрыться в комнате, но парень, с которым она только что заигрывала, поспешно захлопнул дверь перед её носом и щелкнул замком. Оказавшись в ловушке, она затравленно посмотрела на Бай Туна, затем на Ли Цзинцзин и пробормотала:

— И что теперь? Если я промолчу, вы тоже устроите мне «допрос с пристрастием»?

Вэнь Цин уловил скрытый смысл. Оз выбивал информацию о Цзи Цзюньфэне силой.

Ли Цзинцзин примиряюще улыбнулась и, приобняв собеседницу за плечи, ласково потянула на себя:

— Ну что ты, сестренка, просто расскажи нам всё. Раз уж блондин узнал, значит, это не такой

уж большой секрет, верно?

Цзян Цзин криво усмехнулась.

— Секрет — не секрет, а говорить об этом тошно. Словно в грязи пачкаешься.

Бай Тун не сводил с неё глаз.

— Что ты хочешь взамен? Нам нужно идти в Храм, чтобы ты заговорила?

Девушка посмотрела на него как на сумасшедшего.

— В Храм?! Осквернять божественный слух этой мерзостью? С ума сошел?

— Тогда... как нам избежать этого «ощущения грязи»?

Цзян Цзин понимала, что просто так от неё не отстанут. Её взгляд задержался на лице Вэнь Цина.

— Ладно, я скажу. Но после этого пусть Красавчик «очистит» мне рот.

Бай Тун нахмурился.

— Давай я это сделаю.

— Нет! — отрезала Цзян Цзин. — бог благоволит ему больше всех. Пусть он очистит меня, а бог, любя его, простит и меня.

Вэнь Цин всё ещё пытался понять, что именно означает «помыть рот». Он наивно захлопал ресницами:

— Я никогда этого не делал... Это как полоскание?

Девушка прыснула со смеху и весело кивнула:

— Именно. Будем полоскать рты. Французским поцелуем.

Вэнь Цин застыл. Лицо его вмиг стало пунцовым, он начал заикаться:

— Эт-то... это как-то неправильно.

За всю свою жизнь он ни разу не целовался с девушками, а тут сразу такое. Бай Тун помрачнел, в его голосе прорезался холод:

— Исключено.

Ли Цзинцзин с иронией взглянула на соратника и рассмеялась:

— Вэнь Цин не может, зато могу я.

Прежде чем кто-то успел возразить, она решительно притянула Цзян Цзин к себе и звучно поцеловала её в губы.

— Ну как, сестренка? Неужели поцелуй нежной девушки не приятнее? Я даже добавлю бонусом еще один, когда закончишь рассказ.

Цзян Цзин покосилась на суровое лицо Бай Туна, прикинула его мощь и, решив не искушать судьбу, тяжело вздохнула:

— Ладно. Цзи Цзюньфэн... он — студент, покинутый богом.

***

— Что это значит? — Вэнь Цин выглядел окончательно сбитым с толку.

Цзян Цзин удивилась его неосведомленности:

— Вы что, совсем ничего не узнавали об этой школе, прежде чем прийти?

Бай Тун уклончиво ответил:

— наших знаний оказалось недостаточно.

Девушка закатила глаза и продолжила:

— В нашей академии раз в год проводится аттестация. Сразу после окончания праздника. Те, кто её проходят — выпускаются.

— А что за аттестация? — полюбопытствовал юноша.

— Никто не знает. Это решает сам бог.

— Что происходит в день праздника? — спросил Бай Тун.

— Говорю же: всё во власти бога. Откуда нам знать? — Цзян Цзин снова фыркнула. — Вы дадите мне рассказать про этого парня или так и будете перебивать?

Ли Цзинцзин послушно прикрыла рот ладонью.

— Вы ведь уже прошли церемонию поступления? — начала Цзян Цзин. — Сюда попадают только те, у кого есть божественная искра. Обычно через год все успешно проходят испытание и выпускаются. Но этот Цзи... он провалил аттестацию в прошлом году.

Она замолчала, и в её взгляде промелькнуло нечто сложное, похожее на страх.

— В академии учатся только новички. Он единственный, кто остался на второй год — своего рода «старшеклассник». Сначала все к нему тянулись, хотели подружиться. Помню, не прошло и недели, как парня, который был к нему ближе всех, внезапно исключили. Спустя месяц та же участь постигла девушку из его компании... Слава Богу, я учусь в другом классе. В общем, за полгода исключили пятерых.

— И что потом? — поторопила Ли Цзинцзин.

— Потом друг одного из исключенных пришел в ярость. Он не понимал, почему Цзи Цзюньфэна оставили, а других вышвырнули, и избил его до полусмерти. А на следующий день в Храме этот парень получил «дар» от Великого жреца. Со временем все, кто издевался над Цзи Цзюньфэном, начали получать похвалы и награды от жреца. А Жрец — это голос бога в этих стенах. Каждое его слово — священо.

Цзян Цзин понизила голос:

— Вскоре поползли слухи. Говорили, что бог ненавидит Цзи Цзюньфэна. Будешь рядом с ним — навлечешь на себя гнев Господень. Ударить его — получишь благословение.

Вэнь Цин застыл в оцепенении. Что это за логика?!

— Но если... если бог его так ненавидит, почему просто не исключит его?

Цзян Цзин пожала плечами.

— Кто я такая, чтобы разгадывать божественные помыслы? Я рассказала всё, что знаю.

Вэнь Цин опустил взгляд. Юй Син... этот бог мог быть распутным и одержимым желаниями, но он не казался тем, кто станет поощрять обычную школьную травлю. Однако его карта... «Запутывание». Всё было слишком запутанно.

Цзян Цзин тронула Ли Цзинцзин за плечо:

— Ну что, сестренка, вопросы кончились? Я могу идти?

Бай Тун пристально посмотрел на неё:

— Те пятеро... как именно их исключили?

— Без понятия. Просто утром по радио объявляли, и всё. Один жил в соседней комнате — когда я проснулась, от его вещей и следа не осталось.

— Его сосед ничего не рассказывал?

— Слушай, это было полгода назад. Всё произошло слишком быстро. Все просто решили, что их выгнали без предупреждения.

Она тяжело вздохнула:

— Теперь я могу идти? А то боюсь, что следующей на исключение буду я.

— Ну уж нет, — Ли Цзинцзин снова притянула её к себе и еще раз поцеловала. — Вот теперь порядок.

Цзян Цзин, ничуть не утешенная этим жестом, с тяжелым сердцем скрылась в своей комнате. Бай Тун кивнул своим:

— Идем к Вэнь Цину, там поговорим.

Закрыв дверь на замок, мужчина начал анализ:

— У нас есть две зацепки, связанные с Цзи Цзюньфэном. Первая: он пережил один День рождения Бога и может знать, что нас ждет. Вторая: те пятеро исключенных.

— Я попробую разузнать про исключенных, — вызвалась Ли Цзинцзин.

Вэнь Цин помедлил и тихо добавил:

— Тогда я попытаюсь выведать у Цзи Цзюньфэна про праздник.

— Нет, — отрезал Бай Тун. — Этот человек слишком опасен. То, что в прошлый раз всё обошлось, ничего не значит. Исключение для игрока — это верная смерть.

Угроза подействовала на юношу мгновенно. Он покорно кивнул:

— Хорошо, я буду держаться от него подальше.

Бай Тун бросил взгляд на двери соседних комнат — за одной был Цзи Цзюньфэн, за другой Оз. Нахмурившись, он дождался последней минуты перед отбоем и серьезно произнес:

— Будь осторожен.

Вэнь Цин невольно улыбнулся — Бай Тун сейчас ужасно напоминал заботливого отца.

— Мне двадцать, а не два года.

Прозвенел сигнал отбоя. Вэнь Цин забрался в постель и плотно укутался в одеяло. Прошло немало времени, когда сквозь дремоту он уловил странный звук. Это было похоже на трение чего-то тяжелого о пол — мерзкий, протяжный скрежет.

Юноша мгновенно сел в кровати, вслушиваясь в темноту. Но всё стихло. В тишине комнаты гудко колотилось лишь его собственное сердце. Он выдохнул и снова лег, но сон не шел.

Спустя пять минут он понял, что не только не может уснуть, но и страшно хочет в туалет. Поворочавшись еще немного и проиграв схватку с собственным организмом, Вэнь Цин сполз с кровати.

Он на цыпочках подошел к двери и прислушался. В гостиной было тихо. Осторожно приоткрыв дверь, он убедился, что всё спокойно, и пулей метнулся в ванную.

Выйдя оттуда с чувством огромного облегчения, юноша внезапно почувствовал тяжелый, удушливый аромат парфюма. Запах был настолько густым, что Вэнь Цин невольно чихнул.

В мертвой тишине гостиной раздался приглушенный стон.

У юноши волосы встали дыбом. Рука, тянувшаяся к выключателю, замерла. Он медленно, преодолевая ужас, повернул голову.

На диване лежал Цзи Цзюньфэн. На его теле не осталось живого места: всё, что не скрывала одежда, было покрыто свежими ранами. Руки, лодыжки, плечи — сплошные кровоподтеки и порезы. Выглядело это гораздо хуже, чем утром.

Вэнь Цин перевел взгляд на его лицо. Веки парня были плотно сомкнуты, на щеках багровели новые царапины, губа была разбита. Юноша стиснул пальцы, пытаясь подавить внезапный порыв сострадания, и решительно направился к своей комнате.

Но не успел он сделать и шага, как за спиной раздался тяжелый глухой удар — словно что-то тяжелое рухнуло на пол. Вэнь Цин замер, стиснул зубы и, не выдержав, вернулся в гостиную.

Цзи Цзюньфэн лежал на полу возле дивана, неподвижный, словно мертвец. Испуганный юноша бросился к нему и прижал пальцы к сонной артерии. Дышит.

С трудом переведя дух, Вэнь Цин помог ему забраться обратно на диван. Видимо, он задел рану, потому что сосед болезненно охнул и медленно открыл глаза. Свет из ванной падал на его искаженное лицо: из раны на виске сочилась кровь, царапины на щеках уже начали покрываться коркой, смешанной с грязью и пылью.

Губы Цзи Цзюньфэна тронула слабая, почти блаженная улыбка.

— А, это ты, сосед...

Вэнь Цин всегда был мягкосердечным, особенно по отношению к слабым. А Цзи Цзюньфэн сейчас воплощал собой само страдание, а его андрогинная внешность лишь усиливала это впечатление. Забыв обо всех предостережениях, юноша достал аптечку, выданную школой, и принялся осторожно промывать раны соседа.

Тот лениво наблюдал за его движениями.

— Разве ты не слышал, что обо мне говорят?

— Слышал, — буркнул Вэнь Цин, не прерывая дела.

Цзи Цзюньфэн чуть склонил голову набок:

— И почему тогда ты так добр ко мне?

Юноша не ответил, сосредоточенно нанося мазь.

— Не боишься, что Бог тебя возненавидит?

Вэнь Цин продолжал молчать, думая про себя: «У меня есть бафф, мне не страшно».

— Не боишься исключения? Почему ты молчишь? Может... ты всё-таки хочешь меня ударить? Давай.

С этими словами он высвободил вторую руку и резко задрал рубашку, обнажая живот, покрытый синими пятнами. Но помимо синяков, на его талии виднелись длинные шрамы — старые и совсем свежие. От одного вида этой плоти у юноши заныли зубы.

Но на этом парень не остановился. Он потянулся к ремню брюк, продолжая шептать:

— В прошлый раз ты топтал меня сверху, может, в этот раз хочешь приложиться пониже?

Вэнь Цин в панике перехватил его руки, не давая расстегнуть ремень.

— Да не дергайся ты! — вырвалось у него.

Почувствовав тепло его ладоней, Цзи Цзюньфэн вздрогнул. Голос его стал хриплым:

— Вэнь Цин...

Он не отрывал взгляда от его тонких, светлых пальцев.

— Пожалей меня... приласкай... и я всё тебе расскажу.

Юноша замер.

— Расскажешь что?

— Всё, что ты пожелаешь. Любую тайну.

— И как мне тебя... приласкать?

Цзи Цзюньфэн прищурился, и его разбитые губы растянулись в улыбке.

— А сам как думаешь?

Вэнь Цин помедлил, а затем, чуть наклонившись, осторожно подул на свежую рану на его руке.

— Так сойдет?

Цзи Цзюньфэн тихо рассмеялся. Его голос стал совсем низким, в нём отчетливо прорезалось вождение:

— Ты такой милый. У меня встал.

<http://bllate.org/book/15846/1439605>